

А.А. Левизи

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Людмила Леонидовна Левизи, специалист-хранитель музейных коллекций по народам Африки, Индии, Кавказа, а также славянским народам. В блокаду училась в ремесленном училище и работала на военных заводах.

До войны я окончила шесть классов. Училась в 32-й школе Петроградского района, летом готовилась поехать в пионерлагерь. В то памятное воскресенье 22 июня 1941 года я со своими родственниками — дядей, тетей и двоюродной сестрой — собиралась ехать на острова, и вдруг... конец всем мирным планам. Дядя вместо островов отправился в свою воинскую часть, а мы с сестрой побежали в школу. Там собрались ребята, которые еще оставались в городе. Так повелось, что мы ежедневно собирались в школе, чтобы узнавать новости и получать задания.

Вскоре зашла речь об эвакуации детей. Нам, считавшимся уже старшеклассниками, поручили писать повестки, а затем разносить их.

И вот наступил день эвакуации. Мы уже знали, что нам предстоит ехать в город Боровичи. В назначенный день к школе подали автобусы. Вместе с нами поехали и родители, которые должны были нас сопровождать до места назначения и с теми же автобусами вернуться в Ленинград.

Доехали до Боровичей благополучно. Разместили нас в просторном деревянном доме, спать улеглись на полу. Нас, старших, назначили пионервожатыми к малышам. В этот день все мы были возбуждены и долго не могли заснуть. Младшие ребята просили рассказать им что-нибудь. Помню, я рассказывала им свою любимую сказку Андерсена «Русалочка».

Утром, едва доев на завтрак гречневую кашу, мы услышали автомобильные гудки и с удивлением увидели въезжавшие автобусы и сидящих в них наших мам. Оказалось, что, проведя бессонную ночь, встревоженные быстрым продвижением немцев, они поехали за нами и тем самым уберегли нас от оккупации.

Мы вернулись в Ленинград. Об эвакуации школы уже не было речи. Дядя предложил нам эвакуироваться в Читку к его родственникам, но мама наотрез отказалась уезжать куда-либо из Ленинграда.

Занятия в школе пока не возобновлялись. Затем нашу школу оборудовали под госпиталь, а нас перевели в другую, на улицу Мира. Пока не было занятий, мы ходили в свою старую школу и помогали устанавливать оборудование для госпиталя. В нашу обязанность входило очищать от смазки никелированные детали и инструменты для операционной. Когда эта работа кончилась, я ходила дежурить в пункт первой помощи, который находился в школе на улице Мира, там училась делать перевязки. Такие пункты создавались во многих районах города — шел сентябрь 1941 года.

Первые налеты, бомбежки, обстрелы, пожары и разрушения! Сперва они не вызывали страха, только любопытство. Помню, как мы с подружкой из ее комнаты на пятом этаже наблюдали воздушный бой где-то в стороне Каменного острова. Не было страшно и тогда, когда дежурила с тетужкой на крыше нашего дома или когда шла через Кировский мост и вдруг увидела вынырнувший из тучи тяжелый самолет с белыми крестами, так низко летевший, что была видна голова летчика. На мосту я не слышала сирен воздушной тревоги и только миновал его, под свистки и крики дежурного милиционера была сопровождена в убежище — щель на Марсовом поле. Там уже было полно народа, в укрытие поместились только мои ноги. Сама я сидела на краю щели и смотрела, как в небе кружились самолеты и били наши зенитки, отражая налет. Повезло — осколки меня не задели. А вообще-то бомбоубежищем, как все ленинградцы, мы пользовались только первое время, а потом просто прятались в парадные или подворотни, если тревога заставала на улице, и выходили на лестницу, если были дома. Наш дом непосредственно от бомбежки не пострадал, зато соседний был разрушен прямым попаданием фугасной бомбы. Вот это было страшно! В тот момент я была дома, и мне показалось, что вдруг наступила ночь. Рот и глаза были полны пыли и песка, уши заложило, пол заходил под ногами, рамы влетели в комнату, осколки стекла впились в дверь, к которой я была откинута. К счастью, они меня не поранили.

После очередной бомбежки и пожара на Бадаевских складах все заговорили о голоде. Были уменьшены нормы выдачи хлеба по карточкам, других продуктов просто не было. Хлеб обычно выкупала мама и, как большинство ленинградцев, забирала его вперед, стараясь большую часть дать мне. Иногда мама могла принести с работы жмыхи — она тогда работала на маслокомбинате. А нам в школе давали дрожжевой

суп. Вот и вся наша еда. Помню, в те дни читала и перечитывала без конца «Князя Серебряного» А. Толстого — тот отрывок, где описывался пир, и удивлялась, как можно было столько съесть. Чувство голода оставалось очень долго, оно не покидало меня даже в эвакуации, когда нас уже кормили регулярно.

Занятия в школе начались поздно осенью, а в январе 1942 года и вовсе прекратились. Пришли мы как-то утром в школу, а нам говорят: не приходите больше, некому вести уроки. Я поняла, что единственный учитель, который вел в школе уроки, умер. Если не ошибаюсь, его фамилия была Козлов, до войны он преподавал физику в старших классах.

На комбинате, где работала мама, работа тоже кончилась — не было сырья, но ей надо было регулярно являться в контору, чтобы получать продовольственные карточки. Как-то рано утром мы с мамой отправились с Петроградской стороны на Садовую, к Апраксину двору, где помещалась контора.

Зима была лютая. Почему-то надолго запомнилась такая картина. Яркое солнце, синее небо, иней на деревьях, а на снегу на корточках сидит мужчина, глаза открыты, как будто отдыхает. Но увы... это была очередная жертва голода.

Пока мама ходила на работу, я всегда к ее приходу разжигала «буржуйку» и кипятила воду. Она приходила, не раздеваясь протягивала руки к огню, стараясь согреться. И вот однажды смотрю: лицо у нее распухло, как будто налилось водой. Существовало мнение, что отечность появлялась оттого, что очень многие ленинградцы, чтобы заглушить чувство голода, брали на язык немного соли и запивали горячей водой. Так у мамы появилась эта отечность или иначе, но вскоре она слегла.

Наступило самое тяжелое время, мы с мамой перестали сопротивляться, лежали, согревая друг друга, экономя силы. Слушали радио, чтобы не пропустить сообщение о выдаче продуктов. Наконец этот день наступил. Рано утром, магазин в нашем доме еще был закрыт, но люди уже стояли в очереди и ждали открытия. Я тоже встала в очередь, вдруг вижу: мимо, по улице Скороходова, едут грузовики, закрытые брезентом. Ветер на мгновение откинул брезент на одном грузовике, и я увидела, что кузов заполнен трупами. Женщины стали говорить, что такие грузовики проезжают здесь каждое утро и направляются за город. Я сосчитала машины, их было одиннадцать.

В самое тяжелое время, которое неизвестно чем кончилось бы для нас, пришли на помощь родственники — мои тетушки. Подкормить они нас, естественно, не могли, но стали следить, чтобы мы не залеживались, вставали и двигались, ибо жизнь — это движение. А одна из них посо-

ветовала мне обратиться в райком комсомола и попросить направление в ремесленное училище. Так я и сделала. Пошла в райком, что на улице Скороходова, и получила направление в ремесленное училище. Для того чтобы получить медицинское свидетельство о здоровье, надо было проехать несколько остановок на трамвае по Кировскому проспекту до больницы имени Филатова. И вот тут произошло неожиданное: я не смогла поднять ногу, чтобы войти в трамвай. Со слезами от собственного бессилия пришлось брать ногу руками и ставить ее на подножку, дальше войти мне уже помогли пассажиры.

Направили меня в ремесленное училище при заводе «Красногвардеец», что на Аптекарском острове. Этот завод в мирное время изготавливал медицинские инструменты, а в войну стал работать на оборону. Наконец-то в моей жизни наступил перелом в лучшую сторону. Самое главное — я попала в коллектив, появился интерес к жизни, настроение стало другим. Была весна 1942 года.

Мы учились на слесарей, работали для фронта — делали финки. В училище нас кормили, дали рабочую карточку и вдобавок еще соевое молоко, которое я могла приносить маме. Мы пили это молоко впервые. Помню наших мастеров — преподавателей, пожилого Варнелло и молодого Капирухина. В перерывах между занятиями мы выходили в садик, где цвели акации, и лакомились сладкими желтыми цветочками. Обычно за нами выходил Варнелло и говорил: «Ну, козы, пора на занятия!». Вообще весна всех выручила лебедой, крапивой, из которых варили супы и делали лепешки.

В июне 1942 года нам вдруг объявили, что училище должно эвакуироваться в Куйбышев. Отказываться от эвакуации нельзя. Самое тяжелое было расстаться с мамой — ехать со мной она категорически отказывалась, как я ее ни уговаривала. Говорила, что будет ждать, что мне будет куда вернуться, что на ее рабочую карточку уже дают 800 граммов хлеба, жить можно и т.п. Но, увы, примерно через месяц после моего отъезда, 25 июля 1942 года, мамы не стало. Тетушки потом

Людмила Левизи — учащаяся ремесленного училища.

мне рассказывали, что первое время мама сидела на солнышке у парадной дома и вязала. Однажды, обеспокоенные ее отсутствием, они открыли дверь в комнату... но было уже поздно. Похоронили мою маму, Ульяну Исаевну, как и многих ленинградцев, в братской могиле.

Теперь коротко о моей дальнейшей судьбе. От Московского вокзала на поезде нас довели до Ладоги и там погрузили на баржи. Расположились мы в трюме, а наверху, на палубе стояли замаскированные орудия. Была сильная жара, у многих началась цинга и голодный понос. Вонь в трюме стояла ужасная. Меня тетушки предупредили: я должна есть понемногу, чтобы избежать неприятностей. Я выдерживала. Несколько раз нас бомбили, мы подолгу стояли, укрывались в камышах. Когда мы наконец причалили к берегу, нам сказали, что, оказывается, немцами были потоплены два транспорта, шедшие впереди и после нас.

После долгого пути в теплушках, а затем на пароходе, прибыли мы в город Куйбышев. Когда нас выгрузили на пристань, то местные жители приходили на нас смотреть. Многие плакали и приносили из дома кто что мог из съестного. Все мы были дистрофики и выглядели соответственно.

Разместили всех прибывших в каменном здании школы. Спали на нарах, здесь же были учебные классы, учили нас уже токарному делу. Но прежде чем начались занятия, нас отправили до осени в подсобное хозяйство, чтобы подкормиться и помочь с уборкой гороха. Началась учеба и практика на часовом заводе в Куйбышеве, где в то время делали часовые механизмы для мин. Потом работали на авиазаводе на станции Безымянка.

К ленинградцам все относились очень сочувственно. Когда у меня, как и у многих девочек из нашей группы, на почве длительного недоедания открылся туберкулез желез, я получила усиленное питание, т.е. дополнительно масло и сахар.

Между тем, обстановка на фронте становилась все напряженнее. Немцы подошли к Волге. В Куйбышеве стало тревожно. Жизнь в нашем училище замерла, было не до нас. Как-то в горькую минуту собралась вся наша группа, и решили мы написать письмо с просьбой о досрочном выпуске нас на самостоятельную работу. Адрес был короткий: Москва, Кремль, И.В. Сталину.

Вскоре к нам прибыл специальный представитель. Было принято решение направить нас дальше в тыл, в г. Омск. Там я работала токарем на авиазаводе, делали мы клапаны для авиадвигателей. Проработала я на этом заводе до 1945 года. В Омске встретила долгожданную победу. А в Ленинград вернулась в 1946 году.